

RU

Вербализация инсулярности в художественной публицистике (на материале путевых заметок А. П. Чехова «Остров Сахалин»)

Луговской А. В.

Аннотация. Цель исследования – описать структуру и содержание концептуальной категории инсулярности, вербализованной в художественно-публицистическом тексте. В статье рассматривается категория инсулярности как сложная социопсихологическая и лингвокультурная концептуальная категория, определяется ее специфика. На материале путевых записок А. П. Чехова «Остров Сахалин» анализируются структурные компоненты инсулярности, находящие свое выражение в тексте произведения. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые объектом комплексного анализа становится категория инсулярности как сложное ментальное образование, вербализованное в художественно-публицистическом тексте. В ходе исследования были проанализированы понятийный, образный и ценностный компоненты содержания исследуемой категории. Были выделены когнитивные признаки ('окруженность', 'амбивалентность', 'холод' и др.), описаны концептуальные метафоры ('остров – это человек', 'остров – это тюрьма', 'остров – это миф' и др.). В результате исследования была представлена структура категории инсулярности и определена аксиологическая значимость данной категории в художественной картине мира произведения.

EN

Verbalization of insularity in literary journalism (based on Anton Chekhov's "Sakhalin Island")

A. V. Lugovskoy

Abstract. The study aims to describe the structure and content of the conceptual category of insularity, verbalized in a literary journalism text. The author studies the category of insularity as a complex social, psychological, cultural, and linguistic category and describes its specifics. The research investigates the structural components of insularity verbalized in "Sakhalin Island" by Anton Chekhov. Scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first approach to the study of insularity as a complex mental phenomenon manifested in literary journalism. The study looked into the notional, figurative, and axiological components of insularity. There were identified cognitive features ('surroundedness', 'ambivalence', 'coldness', etc.) and described conceptual metaphors ('island is a human', 'island is a prison', 'island is a myth', etc.). The findings enabled to present the structure of insularity and establish the value of this category in the artistic picture of the work.

Введение

При существующем на сегодняшний день объеме исследований в отношении отечественной литературной географии проблеме репрезентации малых географических пространств, в частности, островов, которых только в морях страны насчитывается свыше 1100, уделено незначительное внимание. Исследовательский интерес в этом направлении связан как с особенностями влияния инсулярного (островного) расположения на психологические и культурные особенности проживающих на островах сообществ, так и с использованием образов островов в качестве элементов художественного мира произведений.

Литература как важная составляющая культуры фиксирует культурно-специфическое концептуальное содержание и вербализует его в творческих продуктах. Это предопределило актуальность настоящего исследования, обусловленную влиянием физической островной изолированности на формирование инсулярности как сложной социопсихологической и лингвокультурной концептуальной категории.

Объектом исследования является инсулярность как сложная концептуальная категория. Исследовательский предмет составляют структура и содержание инсулярности, а также языковые средства вербализации этого содержания в литературном тексте.

Материалом исследования послужило произведение А. П. Чехова «Остров Сахалин» (М.: АСТ, 2023), написанное в жанре художественной публицистики (путевых записок) после посещения автором одноименного острова и изданное в 1895 г.

В качестве справочного материала были задействованы следующие словари:

- Исторический словарь галлицизмов русского языка. <https://gallicismes.academic.ru/16336/инсулярный>;
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000;
- Мильков Ф. Н., Бережной А. В., Михно В. Б. Терминологический словарь по физической географии: справочное пособие. М.: Высшая школа. 1993;
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: АСТ; Мир и Образование, 2020;
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 1948. Т. II;
- Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1986;
- Этимологический словарь русского языка. <https://vasmer.slovaronline.com/8998-OSTROV>.

Для достижения обозначенной выше цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть понятие инсулярности как сложной концептуальной категории;
- 2) проанализировать произведение А. П. Чехова «Остров Сахалин» на наличие вербальных языковых средств выражения внутреннего содержания инсулярности;
- 3) провести поэтапный анализ структурных компонентов инсулярности: понятийного, образного, ценностного.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых по проблемам пространственного детерминизма культуры (Бердяев, 1918; Яковенко, 2009; Mackinder, 1919; Mahan, 1890), по инсулярности как лингвокультурной специфике британцев (Баранова, Мишина, 2021; Волкова, 2022), по поэтике и мифопоэтике островности (Афанасьев, 1996; Цивьян, 2008; Шеппинг, 2012; Горницкая, Ларионова, 2013), по когнитивистике (Карасик, Слышкин, 2007; Борисенко, 2022).

Для решения поставленных задач в работе использовались следующие методы исследования: биографический метод для определения места произведения в творчестве А. П. Чехова; метод сплошной выборки для отбора текстовых фрагментов, в которых вербализована инсулярность; метод теоретического анализа для выделения компонентов структуры инсулярности в процессе описания; семантико-когнитивный анализ для выделения и описания когнитивных признаков и концептуальных метафор, образующих концептуальное содержание компонентов исследуемой категории; интерпретативный анализ для трактовки художественно-эстетического функционирования инсулярности в художественной картине мира произведения.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов при чтении лекций и проведении практических и семинарских занятий по языкознанию, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, литературоведению и лингвопоэтике.

Обсуждение и результаты

Инсулярность как сложная концептуальная категория

В настоящее время понятие инсулярности в российской гуманитарной науке находится на стадии осмысления. В общем значении инсулярность толкуется как «изолированное происхождение», а однокоренное прилагательное «инсулярный» означает «островной» (Исторический словарь галлицизмов русского языка).

Термин «инсулярность» чаще всего используется в географии и рассматривается как участок однотипного ландшафта, который окружен со всех сторон другим территориальным комплексом. К инсулярным относятся такие типы изолированных ландшафтов, как надводные острова, архипелаги, островные горы, островные урочища (песчаные бугры либо сухие места на болотах) и др. (Мильков, Бережной, Михно, 1993, с. 169-170).

В гуманитаристике термин «инсулярность» стал использоваться не так давно (прежде всего, в отношении Великобритании). Он понимается как часть языковой картины мира британцев (Волкова, 2022, с. 18) либо как островное мышление британцев, выражающее их отстраненность или высокомерие (Баранова, Мишина, 2021, с. 116).

В трактовке инсулярности фиксируется не только факт географической изолированности островной территории, но и ее социально-психологические следствия, сопряженные с особым, подчас негативным, отношением к окружающему этот остров миру. Действительно, Британия, являясь ярким представителем инсулярной нации, исторически складывалась как колониальная империя в период Великих географических открытий: остров Великобритании становился не только центром торговли, но и отправной точкой для колониальной экспансии и территориальных завоеваний. Британская инсулярность в своем становлении прошла долгую историю, став ядром этнокультурной идентичности, что находит свое отражение и в языке, и в культуре, и в национальной психологии (Луговской, Пестушко, Савелова, 2023).

Что касается отечественной научной школы, проблема инсулярности как особого типа культурно-географического и социально-психологического образования в определенном смысле продолжает теоретические традиции, сложившиеся во второй половине XIX в. – первой половине XX в. в зарубежной и отечественной гуманитаристике. Первая традиция складывалась в русле теории морских и континентальных держав (sea powers and land powers) и представлена работами А. Т. Мэхэна (Mahan, 1890) и Х. Дж. Маккиндера (Mackinder, 1919). Другая традиция получила развитие в рамках теории русской идеи (П. Я. Чаадаев,

Н. А. Бердяев, П. Н. Савицкий, Л. Н. Гумилев и др.), сторонники которой подчеркивали роль природно-географических условий в становлении национальной идентичности.

Исследователями признается значимость географического фактора, предопределяющего специфику хозяйственной деятельности страны, ее культурное своеобразие и социально-политическое устройство. Как отмечает И. Г. Яковенко, фундаментальные характеристики любого исторического субъекта, как и особенности создаваемого этим субъектом социально-культурного целого, «коррелируют с ландшафтно-климатическими характеристиками вмещающегося пространства» (2009, с. 24).

В отношении нашей страны учеными делается акцент на особенность географического расположения России как континентального государства, находящегося между Европой и Азией и занимающего обширные территории, что предопределило и склад характера русского человека, и его картину мира. «Широк русский человек, – пишет Н. А. Бердяев (1918), – широк как русская земля, как русские поля».

Тем не менее проблеме влияния островной географии на психологическое и культурное своеобразие национальной или этнической общности уделено незначительное внимание, что вполне очевидно объясняется простым фактом: Россия территориально не является островным государством.

Мы считаем, что использование термина «инсулярность» правомочно в отношении любой языковой картины мира как некоего «глобального образа мира» (Постовалова, 1988, с. 21), опосредованного островной географией и языком. Подобное понимание позволяет отойти от обобщенного представления национально-культурной специфики одних британцев и увязать в едином комплексе географическое, психологическое, культурное и языковое содержание применительно к любой островной общности, как физической, так и воображаемой (островная образность художественной литературы).

Из сказанного выше следует, что изучение понятия «инсулярность» требует комплексного междисциплинарного подхода, при котором становится возможным рассмотреть связи между географически обусловленным содержанием понятия, его историческим изменением, национально-культурной спецификой и языком.

В этом смысле инсулярность – концептуальная категория, отражающая сложный характер отношений между физической изолированностью и ее метафизической (нематериальной) проекцией, опосредованной языком и культурой. Концептуальная категория при этом может пониматься как «незамкнутое ментальное образование», включающее в себя общий категориальный концепт и подмножества других концептов (Борисенко, 2022, с. 523). В нашем случае таковым категориальным концептом является концепт ОСТРОВ.

В отечественной традиции инсулярность – это прежде всего категория литературной географии, изучающей отношения между физическими пространствами и художественными мирами. Остров является частым образом в русском фольклоре и литературе. Достаточно упомянуть такие знаменитые произведения, как «Земля Санникова» В. А. Обручева (1926), «Остров погибших кораблей» А. Р. Беляева (1926-1927), «Обитаемый остров» братьев Стругацких (1969) и др.

Несмотря на достаточно большой объем литературного корпуса, до настоящего времени исследования островного концепта и образа острова носили эпизодический характер. Остров как объект изучения рассматривался отдельными авторами (Афанасьев, 1996; Криничная, 2004; Шеппинг, 2012; Цивьян, 2008; Горничкая, Ларионова, 2013), занимавшимися проблемами мифологического и мифопоэтического функционирования острова в тексте. В отношении художественно-публицистического текста как некоего пограничного жанра между научным и художественным повествованием подобных исследований не проводилось.

Произведение «Остров Сахалин» было опубликовано в 1895 г. и явилось результатом поездки А. П. Чехова по Сибири и Дальнему Востоку, совершенной пятью годами ранее, в 1890 г. Представляя собой повествование в жанре путевых записок, «Остров Сахалин» освещает особенности жизни и быта жителей острова того периода, прежде всего каторжников, для которых Сахалин являлся местом ссылки из других территорий России с целью отбывания наказания.

За несколько месяцев, проведенных А. П. Чеховым на Сахалине, писателю удалось не только изложить свои наблюдения, но также провести перепись местного населения и составить подробные картотеки, в которых были отражены различные социальные и культурные аспекты. Автор подвергает анализу жизнь каторжников, свободных поселенцев, коренных народностей, описывает специфику организации на острове разных аспектов хозяйственной деятельности. Повествование представлено в реалистичном ключе, изображающем картину тяжелой жизни островитян, произвол и коррупцию чиновников, несправедливость в распределении материальных благ и проч., что сделало произведение художественным документом эпохи, представляющим ценность для исследователей различных областей.

Фокус настоящего исследования обращен непосредственно к вербализации инсулярности в произведении, ее предметного, образного и ценностного компонентов, что будет рассмотрено ниже.

Анализ понятийного компонента инсулярности

Прежде чем обращаться к анализу понятийного компонента, необходимо заметить, что толковые словари русского языка (Ожегов, 2020; Кузнецов, 2000; Ушаков, 1948) фиксируют два основных значения лексемы «остров»: 1) часть суши, со всех сторон окруженная водой; 2) участок, который выделяется среди другой местности. Словарь С. А. Кузнецова выделяет также третье значение: «Небольшой отдельно стоящий лес» (2000, с. 734). Из предложенных толкований прямое значение содержится в первом определении и включает в свое семантическое содержание такие признаки, как 'суша', 'вода', 'окруженность'. Интересно заметить,

что этимологически слово «остров» восходит к праславянскому существительному «*o-strovъ*» – «то, что обтекается, речной остров» и этимологически связано со словами «струя» и «струмень» (Этимологический словарь русского языка). Таким образом, в семантике лексемы «остров» заложена идея обтекаемости чем-либо, текучести, что предопределяет признак 'вода' как доминантный.

В исследуемом произведении категория инсулярности находит свое воплощение через слово-номинант «остров» и инсулоним «Сахалин». Лексема «остров» вербализована в произведении 222 раза, включая производные «островной» (четыре употребления) и «полуостров» (шесть употреблений). Во всех словоупотреблениях реализуется первое значение слова-номинанта, то есть «часть суши, окруженная водой». В 86% случаев (192 словоупотребления) обозначаемым денотатом является сам остров Сахалин. В двенадцати случаях денотатом являются Курильские острова. Помимо этих двух топонимов в тексте представлены и другие инсулонимы: два употребления приходятся на Соловецкие острова и единичные вербализации получают японский остров Матсмай, а также остров Кадьяк, Тюлений остров и Сандвичевы острова. Наряду с этим лексема остров употребляется в отношении отдельных островов и групп и вербализована в словосочетаниях «три острова», «прилегающие острова», «ближайшие острова», «северные острова», «соседние острова», «японские острова», «восточноазиатские острова», «южные острова» и «острова Японского и Охотского морей».

Что касается топонима «Сахалин», данное наименование используется в тексте произведения около 650 раз, включая 20% употреблений, приходящихся на производное прилагательное «сахалинский» и около 2% (12 употреблений) – на производное существительное «сахалинец».

Таким образом, из приведенных данных, полученных методом сплошной выборки, можно заключить, что инсулярность является базовой категорией художественной картины мира произведения, о чем свидетельствует номинативная плотность этой категории (т. е. степень детальности обозначения – термин В. И. Карасика) и рекуррентность, то есть повторяемость в речевых контекстах.

Для более детального анализа обратимся к отрывку, в котором автор дает описание острова и его географии: «*Сахалин лежит в Охотском море, загораживая собою от океана почти тысячу верст восточного берега Сибири и вход в устье Амура <...>. Географическое положение его определяется так: от 45° 54 до 54° 53 с. ш. и от 141° 40 до 144° 53 в. д. Северная часть Сахалина, через которую проходит линия вечно промерзлой почвы, по своему положению соответствует Рязанской губ<ернии>, а южная – Крыму <...>*

Прежнее деление его на северный, средний и южный неудобно в практическом отношении, и теперь делят только на северный и южный. Верхняя треть острова по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения и потому в счет не идет; средняя треть называется Северным Сахалином, а нижняя – Южным; строго определенной границы между двумя последними не существует» (Чехов, 2023, с. 22-23).

А. П. Чехов описывает Сахалин с энциклопедической скрупулезностью, отмечая как его географическое положение, так и внутреннее деление и климатические особенности. Примечательным является и сравнение положения острова с другими регионами страны. Когнитивный признак 'вода' актуализируется через лексему «океан» и топонимы «Охотское море», «Амур». Признак 'суша' вербализован словами 'берег', 'почва'. Интересно, что в отрезке находит свое выражение семантика границы, которая относится не столько ко внешней отграниченности острова, сколько к его внутритерриториальному делению. При этом автор подчеркивает зыбкость границ между частями острова, отсутствие строгости в делении.

В тексте произведения автор несколько раз отмечает неоднозначность островного характера Сахалина. В одном месте читаем: «*...мелкий фарватер и особенная картина, какую дают вместе Татарский и Сахалинский берега, послужили главною причиною тому, что Сахалин долго считали в Европе полуостровом»* (Чехов, 2023, с. 11-12).

А. П. Чехов указывает на мелководье и специфику береговой линии как причины долгих заблуждений в отношении статуса острова. При этом подчеркивается его особенность.

В другом отрывке писатель ставит под сомнение инсулярность Сахалина, отмечая ее относительность в зависимости от времени года: «*...остров оказался как бы островом, quasi insula. Пролив, отделяющий остров от материка, в зимние месяцы замерзает совершенно, и та вода, которая летом играет роль тюремной стены, зимою бывает равна и гладка, как поле, и всякий желающий может пройти его пешком или переехать на собаках»* (Чехов, 2023, с. 421-422).

Обозначая Сахалин как «мнимый остров» (*quasi insula*), автор приводит в качестве аргумента его географическую специфику, обусловленную замерзанием пролива, связывающего остров с материком. В данном описании проявляется такая характеристика острова, как его амбивалентность – одно из главных свойств островного концепта. На амбивалентность острова вообще указывают различные авторы (Edmond, Smith, 2003; Цивьян, 2008; Луговской, Карпухина, 2023). Р. Эдмонд и В. Смит (Edmond, Smith, 2003) трактуют эту черту как диалектичность, заключающуюся одновременно и в островной отграниченности (*boundedness*), и связанности (*connectedness*).

Остров в этом смысле представляет собой отрезок суши, амбивалентность которого может обнаруживаться диахронически, как в случае с Сахалином: когда-то он входил в единую систему с островом Хоккайдо и Южными Курильскими островами и имел сухопутные связи с материком. Впоследствии, в результате геологических и климатических процессов Сахалин отделился от Хоккайдо (12-11 тыс. лет назад), а затем – от материка (ок. 7 тыс. лет назад) (Богатов, Питч, Стороженко и др., 2006).

Таким образом, понятийный компонент инсулярности складывается из таких признаков, как 'вода', 'суша', 'граница', 'окруженность', 'амбивалентность', образующих понятийное концептуальное ядро исследуемой категории.

Анализ образного компонента инсулярности

Далее рассмотрим содержание образного компонента в структуре инсулярности. Согласно исследователям (Карасик, Слышкин, 2007; Луговской, Карпухина, 2023), образный компонент концепта включает в себя образно-специфические и образно-метафорические признаки. Образно-специфические признаки относятся к чувственно воспринимаемым характеристикам предметов и явлений, в то время как образно-метафорические – к метафорически переосмысленным образам.

Проанализируем образно-специфические признаки, находящие свое выражение в произведении. Данные признаки группируются в зависимости от типа перцептивной модальности, актуализированной в текстовом выражении: визуальной (зрение), аудиальной (слух), кинестетической (осознание), густаторной (вкус) и ольфакторной (запах).

В отношении исследуемого объекта можно утверждать, что в рассматриваемом произведении наиболее ярко представлены визуально воспринимаемые когнитивные признаки, среди которых можно выделить признаки размера, формы и цвета.

В отношении размера автор пишет следующее: «*Длина острова 900 верст; наибольшая его ширина равняется 125, и наименьшая 25 верстам. Он вдвое больше Греции и в полтора раза больше Дании*» (Чехов, 2023, с. 22). Из приведенного описания можно заключить, что размеры острова немалые. При переводе в удобную современнику метрическую систему видим, что автор указывает на длину в 960 километров и ширину, варьирующую между 133 и 26 километрами, что в целом совпадает с современными данными. Для удобства представления параметров острова читателем автор сравнивает Сахалин с Грецией и Данией, хотя достаточно было бы упоминания о том, что Сахалин является самым крупным островом в России. Площадь Сахалина, согласно географическим данным, составляет 76,4 тыс. км² (Богатов, Питч, Стороженко и др., 2006, с. 33).

В отношении формы анализ текста произведения позволил выделить признаки, воспринимаемые и в вертикальной проекции ('возвышенность', 'гористость', 'холмистость', 'скалистость', 'ровность', 'болотистость'), и в горизонтальной проекции ('вытянутость', 'извилистость', 'изогнутость').

В отношении цвета выделены различные признаки, что обусловлено внутренним природно-климатическим разнообразием, описанным А. П. Чеховым в своей работе. Среди цветовых признаков выделяются такие, как 'красно-бурый' и 'зеленый'. В тексте также актуализирована полимодальность, при которой указание на цвет имеет косвенный характер и связано непосредственно с материалом, создающим этот цвет. Среди лексических единиц, вербализующих такие полимодальные признаки, следует назвать прилагательные «туманный» и «глинистый».

Представим фрагменты текста, в которых актуализируются признаки формы и цвета: «*Пасмурное небо, море, на котором не видать ни одного паруса, и крутой глинистый берег были суровы...*» (Чехов, 2023, с. 113).

«*Начиная с Трамбауса, вся северная треть острова представляет из себя равнину, совершенную тундру, на которой главный водораздельный хребет, идущий вдоль всего Сахалина, имеет вид невысоких волнообразных возвышенностей, принимаемых некоторыми авторами за наносы со стороны Амура. По красно-бурой болотистой равнине там и сям тянутся полосы кривого хвойного леса...*» (Чехов, 2023, с. 119).

Описывая северную часть острова, автор изображает достаточно мрачную картину, предстающую перед взором путешественника, тем самым подчеркивая суровость, неприветливость острова, нечеткость и даже кривизну его очертаний.

Интересно, что в описании южной части острова используются другие выразительные средства: «*И как нарочно, погода была теплая, тихая, веселая. Слева близко зеленел Сахалин, именно та его пустынная, девственная часть, которой еще не коснулась каторга; справа в ясном, совершенно прозрачном воздухе еле-еле мерещился Татарский берег. Здесь уже пролив более похож на море и вода не так мутна, как около Дуэ; здесь просторнее и легче дышится. По своему географическому положению нижняя треть Сахалина соответствует Франции <...> но все-таки, увы, до Франции или Японии далеко*» (Чехов, 2023, с. 195).

В отрывке актуализированы признаки зеленого цвета и прозрачности (визуальная модальность), теплоты (кинестетическая модальность), тишины (аудиальная модальность). Даже признаки 'пустынность', 'девственность' положительно окрашены и указывают на нетронутость местности цивилизацией. Однако автор будто сам не верит до конца, что на Сахалине могут быть подобные условия и что представшая перед его глазами картина – больше исключение, нежели естественная пейзажная характеристика. Эти сомнения передаются наречиями «как нарочно», «но все-таки» и «увы».

Кинестетическая модальность актуализирована в тексте лексическими единицами, складывающимися вокруг бинарно противопоставленных когнитивных признаков 'холод' и 'тепло', соответственно вербализованных 60 и 28 раз. Очевиден перевес в сторону отрицательной полярности. Автор пишет: «*Холодные течения, идущие от северных островов, где даже в конце лета бывает ледоход, омывают Сахалин с обеих сторон, причем восточному берегу, как более открытому течениям и холодным ветрам, приходится принимать наибольшую долю страданий; природа его безусловно суровая, и флора его носит настоящий полярный характер*» (Чехов, 2023, с. 195).

В отрывке семантика холода вербализована четыре раза («холодные течения», «холодные ветра» – прямая номинация; «ледокол», «полярный» – косвенная номинация). Автор подчеркивает сложность климатических условий, в том числе за счет усиления эмоционально-образными словами «суровый» и «страдание».

Аудиальная модальность представлена признаками, 'глухость' и 'тихость', вербализованными в контекстах, относящихся к описанию островных или морских пейзажей. Первый признак вербализован в словосочетаниях «море глухо шумит», «глухие удары», «глухая деревушка» и др. Что касается второго признака, то тишина относится к редким моментам спокойствия природы, которые наблюдает автор. При этом даже в такие моменты зачастую повествователь понимает, что эта тишина – предвестник чего-то недоброго, как в следующем отрывке: «*Погода и в этот раз была тихая, ясная, какая здесь бывает очень редко*» (Чехов, 2023, с. 23).

Что касается обонятельной модальности, она актуализируется в тексте 41 раз через лексемы «запах» (20 употреблений), «пахнуть» (12 употреблений), «вонь» и «вонючий» (по 3 употребления), «зловоние», «зловонный», «вонять» (по единичному употреблению). В большинстве случаев (66%) автором описываются неприятные запахи, окружающие его на острове и имеющие отношение к быту местного населения и каторжников: «запах пота», «запах отхожего места и кислоты», «запах вяленой рыбы» и др. Очевидно, что для автора восприятие острова через обоняние чаще всего неприятное, болезненное. Даже сено на Сахалине не кажется автору приятным: «*Сахалинское сено совсем не имеет того приятного запаха, что наше русское*» (Чехов, 2023, с. 338). Писатель будто противопоставляет Сахалин остальной России, подчеркивая чуждость первого.

Последняя из обозначенных типов модальностей, густаторная, представлена лексикой, вербализующей признаки 'солёный' и 'кислый', относящиеся прежде всего к еде. Признак 'солёный' относится к рыбе, мясу, готовой пище.

Примечательна вербализация в тексте признака 'горький': из 13 случаев словоупотребления лишь единоразово данный признак реализует прямое значение соответствующей лексики и относится к описанию еды. В остальных случаях актуализировано второе значение – «горестный, тяжелый» (Ожегов, 2020, с. 221) – и употреблено в словосочетаниях типа «горькая участь», «горькие слезы», «горький опыт» и т. д.

Анализ образно-метафорических признаков, входящих в образный компонент инсультности, позволяя классифицировать их в зависимости от семантической области, которая подвергалась метафоризации. Нами были выделены пять групп метафорических признаков, которые нашли свое выражение в анализируемом произведении, а именно: антропоморфные, предметные, зооморфные, признаки физического мира и признаки абстракции. Рассмотрим их более детально.

Антропоморфные признаки составляют большую группу и лежат в основании концептуальной метафоры ОСТРОВ – ЭТО ЧЕЛОВЕК. Остров наделяется физическими, физиологическими и психологическими характеристиками, присущими человеку, как видно из примеров ниже:

«*Я приехал на Сахалин в июле, когда в тайге была уже гробовая тишина; остров казался безжизненным*» (Чехов, 2023, с. 339);

«*...о нем говорили, и, кто знает, быть может, уже тогда была предрешена участь этого печального, пугавшего воображение, острова*» (Чехов, 2023, с. 177).

Для автора остров представляется лишенным жизненных сил, печальным и пугающим воображение. Подобным образом концептуализируются и входящие в остров либо окружающие его объекты: природа, деревья, море: «*...северный пейзаж живет и чаще напоминал мне Россию. Правда, природа там печальна и сурова, но сурова она по-русски, здесь же она улыбается и грустит*» (Чехов, 2023, с. 233).

Примечательно, что в произведении автор несколько раз упоминает знаменитые скалы – Три Брата, представляющие собой небольшую группу островов вблизи западного побережья Сахалина. Антропоморфизм заложен в самом названии через слово «брат», обозначающее степень родства через актуализацию признака мужского пола. Интересно, что в английской языковой картине мира остров часто концептуализируется по женскому роду и называется «сестрой» (sister) (Луговской, Карпухина, 2023). Обратимся к следующему фрагменту текста: «*Я стоял один на корме и, глядя назад, прощался с этим мрачным мирком, оберегаемым с моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначались в воздухе и были похожи впотьмах на трех черных монахов*» (Чехов, 2023, с. 194).

В примере скалы сравниваются с тремя монахами, облаченными в черное одеяние. Мистицизм образу добавляет актуализация цветочных признаков через слова «черные», «мрачный», «впотьмах». Для автора остров – это «мрачный мирок», инобытие, охраняемое каменными стражами.

Вторая группа признаков – образно-метафорические предметные признаки – лежат в основании концептуальной метафоры ОСТРОВ – ЭТО КОНТЕЙНЕР, частными реализациями которой являются ОСТРОВ – ЭТО ТЮРЬМА и ОСТРОВ – ЭТО ЛАБОРАТОРИЯ.

Остров как тюрьма – достаточно распространенный образ как в физическом мире, так и в литературном творчестве. Сами размеры и естественные границы островов создают идеальные предпосылки для создания на них мест заключения. Достаточно вспомнить такие острова, как Аляска (США), Остров дьявола (Франция) или Соловецкие острова (Россия), служившие когда-то местами тюремного заключения.

Важно заметить, что Сахалин был местом ссылки каторжников начиная с 60-х гг. XIX века. Тем не менее признак заточения актуализируется не только в контекстах, посвященных описанию тюрем и каторг. Сам остров становится метафорой тюрьмы, о чем автор многократно упоминает в тексте. «*Не они, а мы тут каторжные*», – говорит капитан судна, везущего писателя, тем самым подчеркивая, что заключение на острове – характеристика не только ссыльных, но и любых попавших сюда людей.

Через какое-то время после прибытия у автора состоялся такой разговор с одним из жителей:

«– Зачем это у тебя собака и петух привязаны? – спрашиваю хозяина.

– У нас на Сахалине все на цепи, – острит он в ответ. – Земля уж такая» (Чехов, 2023, с. 48).

Остров будто приковывает к себе своими цепями, отчего и создается впечатление собственного заключения. Заточение как признак инсулярности противопоставляется в этом смысле свободе на материке.

Остров как лаборатория – другой частый мотив и в жизни, и в литературе. В качестве примера можно привести исследовательскую станцию Ч. Дарвина на острове Санта-Крус (Галапагосские острова) или атолл Бикини, ставший плацдармом для ядерных испытаний США. В отношении Сахалина А. П. Чехов пишет: «Итак, вольную колонизацию на юге Сахалина следует признать неудавшейся. <...> **опыт был непродолжителен, и к тому же еще приходилось производить эксперимент над людьми, по-видимому, неусидчивыми, приобретшими в своих долгих скитаниях по Сибири вкус к кочевой жизни**» (2023, с. 241-242).

Писатель размышляет о причинах неудавшейся ранней колонизации острова и сравнивает ее с неудачным опытом или экспериментом, подчеркивая, что привыкшие к скитаниям люди неохотно осядут на ограниченном клочке земли.

Следующая группа образно-метафорических признаков входит в основание концептуальных метафор ОСТРОВ – ЭТО ЖИВОТНОЕ и ОСТРОВ – ЭТО РЫБА. Не секрет, что очертания Сахалина напоминают рыбу, о чем известно всем, кто когда-либо имел дело с островом. А. П. Чехов пишет про Сахалин: «Он имеет форму, удлиненную с севера на юг, и фигуру, по мнению одного из авторов, напоминает стерлядь» (2023, с. 22).

В другом отрывке автор сравнивает части острова с фрагментами рыбы: «Сравнение Сахалина со **стерлядью** особенно годится для его южной части, которая в самом деле похожа на **рыбий хвост**. **Левая лопасть хвоста** называется **мысом Крильон**, **правая** – **мысом Анивским**, а **полукруглый залив** между ними – **Анивой**» (Чехов, 2023, с. 199).

Признаки физического мира входят в основание концептуальной метафоры ОСТРОВ – ЭТО ПУСТЫНЯ. Данная модель реализуется в следующем отрывке текста, в котором автор описывает раннее освоение Сахалина: «**Остров был пустыней; на нем не было ни жилищ, ни дорог, ни скота, и солдаты должны были строить казармы и дома, рубить просеки, таскать на себе грузы**» (Чехов, 2023, с. 374).

Признак пустынности актуализируется в произведении 18 раз, при этом он относится не только к описанию острова и отдельных его частей, но и к окружающему морю, как, например, в отрывке: «**Пароходы и парусные суда здесь редкие гости; ничего не видно ни возле, ни на горизонте, и потому море представляется пустынным**» (Чехов, 2023, с. 216).

Что касается признаков абстракции, они входят в основание таких концептуальных метафор, как ОСТРОВ – ЭТО МИФ и ОСТРОВ – ЭТО АД.

Первая из представленных концептуальных моделей включает в себя признаки инаковости, в том числе пространственно-временную особенность. Классическим мотивом в литературе является мотив изменения (сокращения либо растяжения) времени на острове. Герои, проживающие либо прибывающие на остров, ощущают пространство и время по-другому. А. П. Чехов пишет: «**Кажется, что тут конец света и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плывал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами**» (2023, с. 11).

Аллюзия на Одиссея здесь совершенно не случайна: острова поражали воображение античных людей, к островам стремились, через них пытались найти загадочный край земли. Путешествие к острову – это путешествие в инобытие, в котором перестают действовать привычные человеку законы, да и само путешествие становится испытанием, путем героя, ищущего себя.

Мифологизм острова обращается к конкретной его реализации: ОСТРОВ – ЭТО АД. Признаки inferнальности находят свое выражение на протяжении всего текста, например, в следующей сцене: «**Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. <...> Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастическою. <...> И всё в дыму, как в аду**» (Чехов, 2023, с. 23-24).

Автор изображает картину горящей тайги: костры, дым, огненные искры – все передает страшный и одновременно завораживающий образ, кажущийся автором фантастическим. Отсюда и сравнение представшей картины с адом.

Скорее всего, невольные ассоциации с потусторонним миром связаны и со спецификой самого острова того времени: жизнь в ссылке и на каторге в экстремальных условиях не могла не сказываться на психологическом состоянии как самих каторжан, так и других островитян. В произведении автор много внимания уделяет проблемам смертности населения, ее причинам и т. п. «Адовость» острова в этом смысле становится естественной метафоризацией. Отсюда и употребление таких эпитетов, как «гробовая тишина», «пугающий воображение остров» и проч.

Перемещаясь на южную сторону острова, автор пишет следующее: «**Проплыли верст восемь – и на берегу заблистали огни: это была страшная Воеводская тюрьма, а еще немного – показались огни Дуэ. Но скоро и это всё исчезло, и остались лишь потемки да жуткое чувство, точно после дурного, зловещего сна**» (Чехов, 2023, с. 194).

Тюрьма и каторга навевают мысли о чем-то жутком, дурном и зловещем, что не может быть в реальности, потому и сравнивается это состояние со сном, по сути, кошмаром.

Из сказанного выше можно заключить, что образный компонент инсулярности складывается из двух больших групп признаков: образно-специфических, относящихся к перцептивно воспринимаемым образам, и образно-метафорических, связанных с метафорически переосмысленными образами. Последние лежат в основании таких концептуальных метафор, как ОСТРОВ – ЭТО ЧЕЛОВЕК, ОСТРОВ – ЭТО ТЮРЬМА, ОСТРОВ – ЭТО ЛАБОРАТОРИЯ, ОСТРОВ – ЭТО РЫБА, ОСТРОВ – ЭТО ПУСТЫНЯ, ОСТРОВ – ЭТО МИФ и ОСТРОВ – ЭТО АД.

Анализ ценностного компонента инсулярности

Ценностный компонент в содержании инсулярности определяется значимостью этой категории для человека или группы. Философское понимание ценностного содержания может включать аксиологически противоположные признаки какого-либо объекта, так как ценности – это «специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества» (Философский словарь, 1986, с. 534).

Как можно предположить из представленного выше определения, ценностный компонент в содержании инсулярности, вербализованной в произведении, содержит по большей части отрицательные аксиологические признаки. «Когда природа создавала Сахалин, – пишет автор, – то при этом она меньше всего имела в виду человека и его пользу» (Чехов, 2023, с. 142).

Сама природно-климатическая предзаданность не позволяла людям ощущать себя на острове комфортно как физически, так и психически. Добавить сюда особенность русской национальной идентичности, взращенной на стремлении к просторам, широтам и свободе – тогда становится понятным, почему Сахалин, по меньшей мере периода XIX века, не мог стать ни местом активной колонизации, ни тем более лабораторией по перевоспитанию душ, какой в свое время была, например, австралийская каторга.

Наибольшую номинативную плотность в произведении получает признак ‘несвобода’. А. П. Чехов не раз отмечает, насколько тягостно ощущается жителями их пребывание на острове, как видно из отрывка: «Если кто заводит разговор о прошлом, то обыкновенно начинает так: “Когда я жил на воле...”» (2023, с. 41). Для жителей острова свобода ассоциируется с их прежней жизнью на материке.

Сахалин в этом смысле становился анти-материком, забирающим свободу. Отсюда и частое желание персонажей «переселиться на материк», «уехать на материк», «проситься на материк». Отсюда и описываемые А. П. Чеховым многочисленные случаи побегов заключенных: «Естественное и непобедимое стремление к высшему благу – свободе – здесь рассматривается как преступная склонность, и побег наказывается каторжными работами и плетями как тяжкое уголовное преступление» (2023, с. 397).

Автор подчеркивает, что свобода есть высшее человеческое благо, стремление к которому – состояние естественное и непобедимое.

Другой признак, связанный с представленным выше – признак ‘тоска’. На чеховском Сахалине тоскуют жители, природа, сам писатель. Автор так описывает данное чувство у островитян: «Тоска по родине выражается в форме **постоянных воспоминаний**, печальных и трогательных, сопровождаемых **жалобами и горькими слезами**, или в форме **несбыточных надежд**, поражающих часто своею нелепостью и похожих на **сумасшествие...**» (Чехов, 2023, с. 424).

В отрывке автор отсылает как к прошлому, так и к будущему, тем самым придавая тоске вневременной характер и обозначая ее как связующую константу. Для усиления передаваемого признака писатель обращается к физиологическому и психологическому образам («горькие слезы», «сумасшествие»).

Важно заметить, что тоска часто обусловлена самими природными условиями, как то: плохая погода, отсутствие солнца и тепла: «Такая погода располагает к угнетающим мыслям и унылому пьянству. Быть может, под ее влиянием многие холодные люди стали жестокими и многие добряки и слабые духом, не видя по целым неделям и даже месяцам солнца, навсегда потеряли надежду на лучшую жизнь» (Чехов, 2023, с. 102).

Природные условия острова, как пишет А. П. Чехов, только ожесточают людей либо делают их апатичными. Как результат – депрессивные состояния и пьянство.

Еще одним признаком с отрицательным аксиологическим значением является признак ‘безобразное’, вербализация которого в тексте произведения через лексемы «безобразный», «страшный», «ужасный», «отвратительный», «некрасивый» достигает порядка ста употреблений. Данный признак актуализируется и в описании природы, и жителей, и быта. Среди типичных словосочетаний в тексте используются следующие: «безобразное место», «страшная картина», «ужасная мошка», «отвратительный климат» и др. Интересным представляется описание поселка Дуэ: «Южнее Александровска по западному побережью есть только один населенный пункт – Дуэ, **страшное, безобразное** и во всех отношениях **дрянное** место, в котором по своей доброй воле могут жить только святые или глубоко испорченные люди» (Чехов, 2023, с. 120-121).

Безобразное передается посредством употребления отрицательно окрашенных эпитетов «страшный», «безобразный», «дрянной»; при этом вводится алогизм: в подобном месте могут жить либо святые, либо совсем падшие люди.

Противопоставленный безобразному признак ‘прекрасный’, вербализованный соответствующими лексемами («прекрасный», «красивый», «прелестный») актуализирован в работе чуть более сорока раз. Однако зачастую этот признак служит для придания контраста описываемому: «Как бы ни был **красив** и оригинален сахалинский пейзаж, но если он по неделям прячется в тумане или в дожде, то трудно оценить его по достоинству» (Чехов, 2023, с. 109).

Еще одним признаком, входящим в ценностное содержание инсулярности, является ‘варварство’ как антиценность признаку ‘цивилизация’. Писатель называет варварской обстановку помещений, в которых живут каторжные семьями, а также использует данный эпитет в отношении работы телеграфа. Признак ‘цивилизация’ актуализируется в словосочетании ‘сахалинская цивилизация’ и в контексте описания больниц: «...местные больничные порядки отстали от цивилизации по крайней мере лет на двести» (Чехов, 2023, с. 103).

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что ценностный компонент инсулярности включает в себя набор признаков с отрицательным аксиологическим значением: 'несвобода', 'тоска', 'безобразное', 'варварство'. Противопоставленные им признаки с положительным значением чаще всего выступают как контрастирующие для усиления отрицательной оценки.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ концептуальной категории инсулярности позволяет сделать ряд выводов:

1. Категория инсулярности является одной из фундаментальных категорий в аспекте взаимоотношения проблемы пространства, ментальности, языка и культуры.

2. В русской языковой картине мира инсулярность в первую очередь относится к воображаемым пространствам литературы на островную тематику. Данная категория является базовой в художественной картине мира произведения «Остров Сахалин» А. П. Чехова.

3. Категория инсулярности имеет трехчастную структуру, представленную понятийным, образным и ценностным компонентами с соответствующими каждому компоненту наборами когнитивных признаков, слагающих концептуальное содержание инсулярности.

Перспективой для дальнейшего исследования является охват большего числа корпусов для определения места категории инсулярности в русской языковой картине мира и детального описания ее содержательной стороны. Перспективным также представляется проведение сравнительно-сопоставительного анализа категории инсулярности в английской и русской языковой картинах мира с целью выявления общекультурного и частнокультурного содержания.

Источники | References

1. Афанасьев А. Н. Языческие предания об острове-Буяне // Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / сост. Н. Л. Топоркова. М.: Индрик, 1996.
2. Баранова Л. Л., Мишина Л. Ф. Вербальное отражение концепта 'insularity' как составной части понятийной картины мира британцев (на материале журнала The Economist) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 2.
3. Бердяев Н. В. О власти пространств над русской душой. 1918. http://www.odinblago.ru/vlast_prostranstv
4. Богатов В. В., Питч Т. У., Стороженко С. Ю., Баркалов В. Ю., Лелей А. С., Холин С. К., Крестов П. В., Костенко В. А., Макаренченко Е. А., Прозорова Л. А., Шедько С. В. Особенности формирования наземной и пресноводной биоты острова Сахалин // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2006. № 2.
5. Борисенко Т. В. Организация структуры концептуальной категории // Казанский лингвистический журнал. 2022. № 5 (4). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.4.523-534>
6. Волкова Е. В. Сравнительный анализ языковых концептов «INSULARITY» и «GEZELLIGHEID» в британской и нидерландской картинах мира // Современный ученый. 2022. № 6.
7. Горницкая Л. И., Ларионова М. Ч. Место, которого нет... Острова в русской литературе. Ростов н/Д: Южный научный центр Российской академии наук, 2013.
8. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007.
9. Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004.
10. Луговской А. В., Карпущина Т. П. Концепт ISLAND как лингвокогнитивный, лингвокультурный и художественный феномен: монография. Хабаровск, 2023.
11. Луговской А. В., Пестушко Ю. С., Савелова Е. В. Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии) // Японские исследования. 2023. № 3.
12. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1988.
13. Цивьян Т. В. Остров, островное сознание, островной сюжет // Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн. М.: Наука, 2008. Кн. 2. Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика.
14. Шеппинг Д. О. Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2012.
15. Яковенко И. Г. Русское пространство // Россия: воображаемое пространство / пространство воображения / отв. ред. И. И. Митин. М.: Аграф, 2009.
16. Edmond R., Smith V. Editors' Introduction // Islands in History and Representation / ed. by R. Edmond, V. Smith. L., 2003.
17. Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. N. Y.: Henry Holt and Company, 1919.
18. Mahan A. T. The Influence of Sea Power upon History, 1660-1783. Boston, 1890.

Финансирование | Funding

RU Публикация подготовлена в рамках научного проекта «Лингвокультурные особенности дальневосточной инсулярности (на материале лингво-этнографического исследования о. Сахалин)» при поддержке Тихоокеанского государственного университета, грант 6.24-ТОГУ.

EN The publication was prepared within the framework of the scientific project "Linguistic and cultural features of Far Eastern insularity (based on the material of the linguistic and ethnographic study of Sakhalin Island)" with the support of Pacific National University, grant 6.24-TOGU.

Информация об авторах | Author information

RU Луговской Александр Витальевич¹, к. филол. н.
¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

EN Alexander Vitalievich Lugovskoy¹, PhD
¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ 009449@pnu.edu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.10.2024; опубликовано online (published online): 27.11.2024.

Ключевые слова (keywords): концептуальная категория; инсулярность; когнитивный признак; концептуальная метафора; художественная публицистика; conceptual category; insularity; cognitive feature; conceptual metaphor; literary journalism.